

Н. А. Гольденберг

Реформа телесных наказаний

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
Н11

Н11 **Н. А. Гольденберг**
Реформа телесных наказаний / Н. А. Гольденберг – М.: Книга по Требованию,
2014. – 72 с.

ISBN 978-5-458-55221-9

ISBN 978-5-458-55221-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

треблялось отсѣченіе ушей, вытѣсненное впоследствии вырѣзаніемъ ноздрей и клейменіемъ.

Что касается такъ называемыхъ болѣзненныхъ наказаній, то, располагая ихъ въ порядкѣ убывающей болѣзненности, мы получимъ слѣдующій рядъ: кнутъ, плети, шпичрутены, батоги, палки, наконецъ — розги. Законодательная теорія отличала эти наказанія отъ членовредительныхъ и, тѣмъ болѣе, отъ смертной казни. На дѣлѣ, любой изъ членовъ этого зловѣщаго ряда могъ оказаться при извѣстныхъ условіяхъ равнозначущимъ лишенію жизни.

Кнутъ — „самое тяжкое болѣзненное наказаніе, наводившее ужасъ на иностранцевъ“ *)—дожилъ до 1845 г. Шпичрутены, при извѣстныхъ условіяхъ не уступавшіе въ жестокости кнуту, были отмѣнены лишь въ 1863 г.; плети окончательно вышли изъ употребленія только въ XX ст., въ 1903 г. Розга жива и понынѣ, и какъ разъ въ послѣднее время привлекаетъ къ себѣ усиленное вниманіе въ связи съ участвовавшимъ примѣненіемъ тѣлеснаго наказанія въ каторжныхъ тюрьмахъ.

Развитіе русской карательной системы, цѣликомъ основанной на причиненіи мучительныхъ тѣлесныхъ страданій, не было чѣмъ-либо случайнымъ.

Расцвѣтъ тѣлесныхъ наказаній въ старой Россіи, который историкъ ихъ, А. Тимофеевъ, справедливо называетъ необычайнымъ, вполне соотвѣтствовалъ такому же необычайному усиленію центральной власти, навязанному Россіи извѣстными историческими условіями и экономической отсталостью. Это усиленіе вело къ весьма опредѣленнымъ общественно-политическимъ послѣдствіямъ. Иностранецъ Герберштейнъ писалъ о москвитянахъ XVI ст.: „Они открыто признають, что воля князя есть воля Бога.

*) А. Тимофеевъ, «Исторія тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ», стр. 151.

„Вѣдаетъ Богъ, да великій государь“, говорятъ они“. Вплоть до конца XVII в. въ челобитныхъ сохранялась фраза: „Чтобы государь пожаловалъ, умилосердился, какъ Богъ“. Домострой училъ смотрѣть на царскій гнѣвъ и опалу, какъ на стихійныя бѣдствія, какъ на знакъ гнѣва Божія...

Совершенно естественнымъ дополненіемъ этой безграничной власти была огромнѣйшая власть владѣющихъ надъ владѣемыми. Еще Двинская грамота освящала полностью эту власть: „а огрѣшится государь,—гласила она,—ударить своего холопа или рабу и случится смерть, въ томъ намѣстники не судятъ и вины не емлютъ“.

Въ той же степени, въ какой велики были эти два вида власти, велика была и грубость отношеній между владѣющими и владѣемыми, между начальствующими и подчиненными какъ въ обществѣ, такъ и въ семьѣ. Жестокость и устрашеніе были основой этихъ отношеній.

Естественно, что особенно тяжкимъ было положеніе низшихъ классовъ. Охрана помѣщичьихъ, господскихъ интересовъ была исключительной заботой законодателя: крѣпостные входили просто въ составъ „имущественнаго инвентаря“, и помѣщики фактически имѣли надъ ними право жизни и смерти.

Продвѣтало битые и среди духовенства, согласно формулѣ коломенскаго архіепископа Іосифа, обычно приговаривавшаго при битьѣ: „бей гораздо, мертвые—наши“. Жестокость и грубость нравовъ пользовались санкціей церковнаго авторитета.

Семейный бытъ нашелъ своего теоретика въ знаменитомъ Сильвестрѣ, авторѣ Домостроя, который строилъ всю семью на нещадномъ битьѣ, и весь авторитетъ родительской власти сводилъ къ страху.

Примѣръ такихъ же нравовъ давали и верхи общества. Іоаннъ Грозный не былъ исключеніемъ; онъ былъ лишь болѣе жестокъ, чѣмъ другіе. Петръ Великій и его приближенные не разъ исполняли работу палачей. Окружающіе не видѣли въ этомъ ничего необычнаго.

Вышіе классы тоже не были избавлены отъ тѣлесныхъ наказаній. Били священниковъ, архимандритовъ, бояръ, сенаторовъ; въ царствованіе Елизаветы двѣ знатныхъ дамы—Лопухина и Бестужева—были биты кнутомъ публично, послѣ чего имъ вырѣзали языкъ.

Иностранецъ Барберини писалъ о Москвитянахъ: „Великій князь приказываетъ сѣчь, растянувъ на землѣ знатнѣйшихъ бояръ... Нѣтъ почти ни одного не высѣченнаго чиновника“. Въ эту своеобразную идиллію „подбатожнаго равенства“¹⁾ жизнь лишь въ послѣдствіи внесла свои поправки, превративъ узаконенное битье въ привиллегію низшихъ классовъ; но пока это равенство въ той или иной степени существовало, понятію о позорности тѣлесныхъ наказаній не могло быть и мѣста въ Россіи.

Тамъ, гдѣ страхъ и насиліе составляютъ основу отношеній, послѣднія неизбѣжно насквозь пропитываются истязательствомъ и полнымъ произволомъ. Практика шла несравненно дальше уголовного закона, сильный имѣлъ ничѣмъ не ограниченное право надъ жизнью и смертью слабого, наказанія налагались не по преступленію, а по чловѣку глядя²⁾. Центромъ карательной системы былъ кнутъ, вѣнцомъ ея—палачъ, имѣвшій возможность или засѣчь на смерть, или за взятку, превратить казнь въ шутку.

Судебная практика XVII в. назначала ослѣпленіе за такъ называемыя государственныя преступленія. Въ XVIII ст. урѣзали языкъ, напримѣръ за распространеніе слуховъ о томъ, будто государь побилъ въ церкви генеральскую жену, за ересь, за „противность и ругательство въ Церкви“. Уложение 1649 г. грозило отсѣченіемъ носа уличенному въ третій разъ въ куреніи табаку. Къ тому-же приведеніе всѣхъ этихъ смертоносныхъ операцій въ исполненіе отличалось крайней простотой, и отдѣльныя подробности его, имѣвшія для наказуемаго огромное значеніе, рѣшительно ничѣмъ не регулировалось. Сѣкли и рѣзали,—говоритъ проф. Сергѣевскій,—руки, ноги, пальцы и языки, какъ придется, какъ удобно или какъ задумается исполнителямъ. Руки отсѣкали то по запястье, то поперекъ ладони; до котораго

¹⁾ Иностранецъ Берггольцъ же безъ удивленія рассказываетъ о томъ, что актеръ, получившій за разноску афишъ по городу 200 батоговъ, игралъ, несмотря на это, вмѣстѣ съ знатыми дамами. Для послѣднихъ же, замѣчаетъ по этому поводу А. Тимофеевъ, въ этомъ не было ничего удивительнаго: ихъ собственные отцы и мужья легко могли подвергнуться такому же исправительному внушенію со стороны его царскаго величества.

²⁾ Тотъ-же Барберини писалъ о русскомъ судѣ: „Какъ угодно государю, такъ и рѣшаетъ судъ; оттого часто бываетъ, что одинъ за бездѣлицу отдается на съѣденіе медвѣдямъ, другой, хотя въ большемъ провинится, о томъ даже не разговариваютъ.“

мѣста отсѣкали ноги—неизвѣстно; языкъ отрѣзали обыкновенно не весь, а часть его. Нерѣдко бывали случаи, что лица съ урѣзанными языками, по излѣченіи ранъ, начинали снова говорить, и тогда имъ рѣзали языкъ вторично. Отсѣченные члены иногда прибивались на стѣнахъ или на деревьяхъ.

Со второй половины XVIII ст., послѣ теоретической отмѣны смертной казни, самымъ тяжкимъ наказаніемъ сталъ кнутъ. Уже по уложенію 1649 г. кнутъ упоминается въ 140 статьяхъ, практика-же идетъ несравненно дальше и кнутъ становится, по выраженію А. Тимофеева, какъ-бы „карательной панадеей, годной во всевозможныхъ случаяхъ“. Почти на всѣхъ ступеняхъ человѣческой преступности дѣйствуетъ кнутъ,—кнутъ, шестью-семью ударами котораго опытный палачъ могъ засѣчь на смерть, однимъ ударомъ котораго можно было сломать позвоночный столбъ! Кнутъ—за убійство; кнутъ за непослушаніе отцу или приказчику, за блудъ, за протівоестественные пороки, кнутъ—за „безлѣпицы“ и кулачные бои, за сквернословіе, за торговлю старымъ платьемъ, за выбрасываніе на улицу сора и помета, за сокрытіе больныхъ горячкой, за нищенство... Слово „кнутъ“ даже перестаетъ употребляться: оно просто подражывается подъ словами: „наказаніе“, „жестокое наказаніе“.

И при этой непомѣрной щедрости на смертеносный кнутъ число ударовъ ничѣмъ не регулировалось. Долго законъ зналъ только такія нормы, какъ битье простое и битье нещадное. Когда кнутъ смѣнили батоги, начали приговаривать къ битью батогами „въ кнута мѣсто“, что означало битье нещадное. Такъ, бьютъ нѣкоего Красовскаго за то, что „въ поданномъ имъ Его Величеству письмѣ важности никакой не являлось“; такъ бьютъ добровольно вернувшихся бѣглыхъ, такъ бьютъ за опіску въ царевомъ имени, сдѣланную безъ умысла, за непослушеніе матери, за небритую бороду, просто за „неприличные“ разговоры. Рядомъ съ кнутомъ дѣйствовала двухвостая, а съ середины XIX ст. усовершенствованная трехвостая плеть, отмѣненная окончательно лишь въ 1903 г. Широко распространенная среди духовенства, она скрыта была тамъ подъ скромнымъ названіемъ монастырскаго смиренія.

Били плетью 18 монахинь, выбравшихъ себѣ безъ указа игуменью изъ бѣлицъ; били плетью солдатку, оставившую своего новорожденнаго младенца безъ помощи, били плетью

за подачу запрещенных челобитных, за „наговоръ на воду“. Проектъ 1754 г. предлагалъ плети за неискусное писаніе царскихъ портретовъ, за ложное „слово и дѣло“. XVIII в. зналъ плети за кражу до 20 р.—за преступленіе совершенно повседнежнаго характера! „Нормы“ и здѣсь были тѣ-же: „нещадно“, „жестоко“, „немилосердно“—и только. Но уже совершенно безъ всякихъ нормъ били при полиціи, били въ помѣщичьихъ усадьбахъ, въ войскахъ, въ тюрьмахъ и ссылкѣ, въ учебныхъ заведеніяхъ, въ семьяхъ, гдѣ плетка входила въ составъ необходимой домашней утвари.

Начало XVIII столѣтія обогащаетъ карательную практику шпицрутенами, превращавшими человѣка, по выраженію Д. А. Ровинскаго, въ какую-то „кровавую кашу“. Подъ шпицрутенами гоняли сквозь строй и за участіе въ холерныхъ и крестьянскихъ волненіяхъ, и за побѣгъ съ мѣста рекрутскаго набора, за идолопоклонство, чернокнижіе, легкомысленные слова о Богѣ и святыхъ, за кражу, за „развратное поведеніе“.

Съ XVIII ст. законъ вводитъ розгу, дожившую до нашихъ дней. Предназначенная сначала для несовершеннолѣтнихъ, розга быстро распространяется, не признавая никакихъ запретныхъ областей, и становится въ позднѣйшее время традиціоннымъ символомъ силы, власти, а также и ученія въ Россійскомъ Государствѣ. Розгой сѣкли по приговорамъ судовъ, по усмотрѣнію административной власти, по усмотрѣнію педагоговъ, военнаго начальства, но больше всего сѣкли по усмотрѣнію тѣхъ 100.000 полиціеимейстеровъ, которые на мѣстахъ, въ лицѣ помѣщиковъ, представляли владѣющую и правящую Россію: по помѣщичьему уложенію 1763—65 г.г. розги можно было назначать въ количествѣ отъ 1000 до 5000!

Жестокостью и произволомъ было насквозь проникнуто и самое судопроизводство—розыскной процессъ, основанный на пыткѣ. Въ старину „всякая вина была виновата“, и рѣдкій изъ тѣхъ, кто заявлялъ или на кого заявляли „слово и дѣло“, уходилъ изъ-подъ слѣдствія, не подвергнувшись жесточайшимъ физическимъ истязаніямъ. Дыба, на которой выворачивали руки, каленые щипцы, которыми ломали ребра, тиски, въ которые завинчивали пальцы рукъ и ногъ до тѣхъ поръ, „пока винтъ не будетъ дѣйствовать“, медленное удушеніе, и капаніе ледяной воды на бритую

часть головы, „такъ что оный (пытаемый) изумленнымъ бываетъ“, и горящій вѣникъ, который стряхивали на голое тѣло, и кнутъ, вездѣсущій кнутъ,—таковы были средства „изысканія истины“ въ старинномъ судопроизводствѣ. Таковы, въ общихъ чертахъ, тѣ наказанія, тѣ виды мучительства, которые вырабатывались постепенно, путемъ обычнаго права, и сложились въ цѣлую карательную систему.

Соборное Уложеніе 1649 г. подвело законодательную основу подъ эту систему. Законодательные акты, слѣдовавшіе за Уложеніемъ, продолжали развивать эту систему, подводя подъ нее все новыя преступленія, вводя въ нее все новыя наказанія. Къ началу XVIII ст. система достигаетъ кульминаціоннаго пункта своего развитія.

Въ XVII—XVIII столѣтіяхъ новая государственность, съ величайшимъ напряженіемъ силъ ведя борьбу съ враждебными ей элементами, начинаетъ устанавливаться, какъ національная организація власти и какъ организація болѣе планомѣрной и разнообразной эксплуатаціи народныхъ массъ; въ эту-же эпоху достигаютъ своего апогея и жестокія тѣлесныя наказанія. Все то, что не укладывалось такъ или иначе въ рамки складывавшагося на основѣ крѣпостничества полицейско-военнаго государства,—объявлялось, по выраженію одного изъ петровскихъ указовъ, „сарынью“, которая „ничѣмъ, кромѣ жесточи не можетъ унята быть“. Слова „жестоко“, „нещадно“, „безъ пощады и всякаго милосердія“—становятся обычными въ официальныхъ бумагахъ. Смертная казнь получаетъ необычайный объемъ примѣненія; угроза ея фигурируетъ въ 200 статьяхъ! Мало того. Съ безудержной щедростью разсыпаютъ угрозы смертной казнью многочисленные указы, издаваемые по болѣе или менѣе частнымъ поводамъ. Смертная казнь тому, кто въ запретномъ мѣстѣ ссѣчетъ дерево, проложить дорожку или стежку; тому, кто срубить дубъ въ заповѣдномъ лѣсу, кто какъ-либо перемѣнитъ установленныя казенныя хлѣбныя мѣры, кто проявитъ нерадѣніе и медленность въ постовой гоньбѣ.

Появляются неслыханныя до тѣхъ поръ наказанія—прожженіе языка каленымъ желѣзомъ, шнипрутены, кошка, линьки; въ свѣтскихъ судахъ входятъ въ употребленіе плети, впервые законъ упоминаетъ о розгахъ, о клейменіи. Вводятся совершенно новыя наказанія въ арміи: ношеніе

оружія ¹⁾, закованіе въ желѣзо рукъ и ногъ, прогулка по деревяннымъ кольямъ, батожья по усмотрѣнію командира. За побѣгъ изъ арміи указъ велить, „казнить смертью, повѣсить“ одного изъ трехъ бѣглыхъ по жребію. Смертная казнь и укрывателямъ.

Подъ понятіе жестоко караемаго тяжкаго преступленія подводятся преступленія, которыя раньше таковыми не считались: подъ страхомъ смертной казни запрещается сплавлять серебряныя монеты въ позументы; жестокое наказаніе вводится за ловлю соловьевъ около С.-Петербурга и во всей Ингерманландіи! Практика вводитъ смертную казнь за суевѣрныя преступленія, за чернокнижество, заговоръ, ружей, за цѣлый рядъ такихъ дѣяній, которыя въ эпоху судебныхъ и приказной практики облагались только болѣзненными или членовредительными наказаніями. Всѣ мучительнѣйшіе виды смертной казни — сожженіе, залитіе горла оловомъ или свинцомъ, окопаніе живого въ землю, четвертованіе, сажаніе на колъ, колесованіе, — вошли въ Воинскій Уставъ Петра Великаго и даже съ добавленіями въ видѣ предварительнаго прожженія языка, повѣшенія за ребро, за ноги и т. п. „Мѣры Петра, — говоритъ проф. Таганцевъ, — въ защиту его новшествъ противъ стараго склада и обряда, за противодѣйствіе или простое нерадѣніе къ разростанію его парадиза — Петербурга — всѣмъ и за все одна угроза закона — смертная казнь“.

„Жесточъ“, примѣненіе жесточайшихъ тѣлесныхъ наказаній, достигаетъ своего апогея, становится какъ бы нормою жизни, повседневнымъ „бытовымъ явленіемъ“. Объ этой эпохѣ, больше чѣмъ о какой-либо другой, можно сказать словами проф. Сергѣевского: „при строгомъ и послѣдовательномъ примѣненіи закона на Руси не осталось бы ни дьяковъ, ни другихъ жителей“. Всѣ эти несчетныя, такъ щедро расточаемыя угрозы смертью въ концѣ концовъ перестаютъ оказывать то устрашающее дѣйствіе, которое служило ихъ цѣлью, перестаютъ неизбежно и примѣняться. Къ нимъ привыкають, они начинаютъ превращаться въ „риторическія украшенія“, въ „драконовъ“ ²⁾.

¹⁾ Нагружать на провинившагося ружей десятка два и заставляютъ стоять на мѣстѣ, не переступая съ ноги на ногу часовъ 5—6.

²⁾ См. Н. Таганцевъ. „Русское уголовное Право“ Общая часть, т. II, стр. 970 и сл.

Такъ, иностранцы, посѣщавшіе Россію въ разгулъ „жесточи“, удивлялись спокойному отношенію русскихъ людей къ жесточайшимъ наказаніямъ, а также той простотѣ, съ которою послѣднія приводились въ исполненіе. Приговоренные на казнь нерѣдко приводились даже несвязанные, толпою; спокойно дожидаясь на плешади очереди, они сами входили на лѣстницу, подходили къ висѣлицамъ, надѣвали петлю и бросались съ помоста, сами клали голову на плаху“. Боязнъ кнута, даже боязнъ казни очевидно перевѣшивалась невѣроятной тягостью существованія низшихъ классовъ. Какъ разъ въ эту эпоху крѣпостное право начинаетъ распространяться на людей, прежде свободныхъ, еще больше усиливается власть помѣщиковъ надъ крѣпостными, растутъ требованія грозной рекрутчины, усиливаются религіозныя гоненія. Огромные размѣры принимаетъ бродяжничество. Болтинъ рассказываетъ, что благодаря дѣятельности одного только „доимочнаго приказа“ при Биронѣ, нѣсколько сотъ тысячъ крестьянъ пограничныхъ селеній разбѣжались. Въ половинѣ XVIII в. дѣло доходитъ до открытыхъ возмущеній крѣпостныхъ—помѣщичьихъ и заводскихъ; тамъ и здѣсь собираются цѣлые отряды бѣглыхъ, которые разоряютъ помѣщичьи усадьбы, казенные склады, заводы, иногда даже города, освобождая колодниковъ, забирая деньги и товары. Даже окрестности Москвы и Петербурга не были свободны отъ разбойниковъ. Въ низовыхъ областяхъ, по Окѣ и Волгѣ, дѣйствовали цѣлые отряды ушкуйниковъ, вооруженные пушками.

„Жесточъ“, превращенная въ одну изъ нормъ жизни, перестаетъ оказывать свое дѣйствіе. Съ точки зрѣнія новыхъ формъ государственности, новыхъ формъ хозяйства. она начинаетъ становиться бесполезной. Страна втягивается въ денежное хозяйство, въ народной жизни происходитъ глубокой экономической переворотъ, темпъ торговаго и промышленнаго развитія ускоряется. Появляются новыя потребности у общества, множатся функціи государства, создаются по западно-европейскому образцу бюрократія, постоянное войско. Въ результатъ всѣхъ этихъ явленій начинаетъ возрастать цѣнность человѣка, какъ рабочей силы. Патріархальная „жесточъ“, съ ея типичнымъ расточеніемъ народныхъ силъ, практиковавшаяся такъ широко прежде, начинаетъ становиться невыгодной съ точки зрѣнія самихъ же владѣющихъ и правящихъ, какъ становятся невыгодными вообще старинные методы эксплуатаціи народнаго труда.

Государственная власть продолжает по прежнему смотреть на народныя массы, въ частности на такъ называемые преступные элементы, какъ на предметъ устрашенія; но ей уже приходится цѣнить и въ этихъ элементахъ ихъ рабочую силу, пригодную и для пополненія арміи, приобрѣтающей въ эту эпоху такое огромное значеніе въ жизни государства, и для заселенія далекихъ окраинъ, для веденія „каторжнаго хозяйства“, принимающаго на этихъ окраинахъ значительные размѣры, и для такъ называемыхъ „государевыхъ работъ“, за которыя съ такимъ усердіемъ принимается уже Петровская Русь.

Прежде всего, начинаетъ чувствоваться невыгодность членовредительныхъ наказаній. Они не только отнимали у государства рабочую силу, они такъ или иначе возлагали на него заботу объ изувѣченныхъ, терявшихъ возможность жить трудами рукъ своихъ.

Потеря рабочихъ силъ благодаря широкому примѣненію жестокихъ тѣлесныхъ наказаній начинаетъ сказываться, въ частности, на арміи. Старыя средства борьбы съ дезертирствомъ начинаютъ приносить арміи слишкомъ явный ущербъ. Тяготы солдатской жизни перевѣшивали страхъ наказаній, дезертирство не уменьшалось, скорѣе росло. „Казнить дезертировъ, бить ихъ кнутомъ, ссылатъ на каторгу,—говоритъ А. Тимофеевъ,—было невыгодно, это ослабляло численность войскъ“. Правительство начинаетъ метаться отъ жестокихъ указовъ „казнить“ смертью за побѣги одного изъ трехъ бѣглыхъ по жребію къ попыткамъ „поправить дѣло милосердіемъ, подъ прозрачной дымкой котораго явно сквозитъ сознаніе безсилія въ борьбѣ со зломъ, принявшимъ значительные размѣры“.

Въ томъ-же направленіи дѣйствуетъ и растущая потребность въ рабочихъ силахъ для заселенія Сибирскихъ земель. Еще въ концѣ XVII столѣтія начали появляться указы, повелѣвавшіе преступниковъ, коимъ слѣдуетъ по закону отсѣчь руки или ноги, употреблять на разныя государственныя работы вмѣсто казни. Руками ссыльныхъ-же производятся обширныя работы въ Азовѣ, въ Петербургѣ, Рогервикѣ, разрабатываются даурскіе, нерчинскіе рудники...

Рѣчь шла здѣсь не объ ослабленіи устрашенія; послѣднее сохраняло свою силу: ссылка въ Сибирь, на государевы работы, на каторгу была и сама по себѣ наказаніемъ достаточно грознымъ. Для ссылаемыхъ создавалось какъ-бы

особое уголовное уложение, отличавшееся неумолимой суровостью, основанное целиком на причинении жестоких телесных страданий. Тем не менее, государство начало уже находить известные выгоды в использовании рабочей силы тех, которым недавно еще по его велению за незначительные проступки рубили головы, отскакали руки, ноги... На этой почве, а также под влиянием заимствований из западно-европейской жизни, появляются зачатки самоопределения человеческой личности, возникают иные взгляды, иные нравы, сознание бесполезности крайних проявлений жестокости, зарождается оппозиция против варварства в наказаниях.

В результате всех этих влияний правительство принимает ряд мер, ведущих к некоторому смягчению карательной системы. В проекте уголовного уложения 1754 — 66 гг. членовредительные наказания, в тесном смысле слова, не упоминаются. Из этих наказаний остались только вырвание ноздрей и клеймение, на которые законодатель смотрел, впрочем, как на полицейские предупредительные меры. Для женщин эти меры были отменены в 1757 г. (для мужчин первая из них дожила до 1817 г., вторая до 1863 г.). С половины XVIII ст. членовредительные наказания вымирают очень быстро путем обычая; законодательную же санкцию это вымирание получило в 1801 г. в указе об отмене пытки, гласившем, между прочим: „чтобы самое название пытки, стыд и укоризну человечеству наносящее, изглажено было навсегда из памяти народной“¹⁾. — Далее, в 1753 и 1754 гг. последовала отмена смертной казни, при чем эта последняя была заменена вечною ссылкой на каторжную работу после публичного наказания кнутом и клеймения преступников. Сохранена была смертная казнь по закону по так называемым государственным преступлениям, карантинным и воинским — во время похода.

К этому же времени относится первая попытка смягчения болѣзненных наказаний для малолѣтних. По одному частному поводу Сенату пришлось устанавливать срок малолѣтства, избавляющій от смертной казни, наказания

¹⁾ Если этот указ несколько заповдалъ съ отменою уже вымершихъ путемъ обычая членовредительныхъ наказаній, то по отношенію къ пыткамъ онъ былъ въ значительной степени образчикомъ казенной человечности и далеко не избавилъ русскій народъ отъ учрежденія „стыда и укоризну человечеству наносящаго“.